

Маяковский Владимир Владимирович

Париж

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович М.**
Париж / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 42 с.

ISBN 978-5-519-95859-2

ISBN 978-5-519-95859-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дальняя дорога,
сердце рвется от тоски,
а в груди

тревога.

Эх, раз,

еще раз,

стих в пляс.

Эх, раз,

еще раз

рифм хряск.

Эх, раз,

еще раз,

еще много, много раз.

Люди

разных стран и рас,

копая порядков грядки,

увидев,

как я

себя протряс,

скажут:

в лихорадке.

ГОРОД

Один Париж —
 адвокатов,
 казарм,
другой —
 без казарм и без Эррио.
Не оторвать
 от второго
 глаза —
от этого города серого.
Со стен обещают:
 „Un verre de Koto
 donne de l'énergie“ *).
Вином любви
 каким
 и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
 критики
 знают лучше,

*) Стакан Кото
 дает энергию.

может,
их
и слушать надо.
Но кому я, к чорту, попутчик?
Ни души
не шагает
рядом.
Как раньше,
свой
раскачивай горб
впереди
поэтовых арб —
неси
один
и радость,
и скорбь,
и прочий
людской скарб.
Мне скучно
здесь
одному
впереди —
поэту
не надо многого, —
пусть
только
время
скорей родит
такого, как я,
быстроногого.

Мы рядом
пойдем
дорожной пылью.
Одно
желанье
пучит:
мне скучно
желаю
видеть в лицо,
кому это
я
попутчик?!
„Je suis un chameau“ *),
в плакате стоят
буквы —
каждая фут.
Совершенно верно, —
„je suis“
это
„я“,
а „chameau“,
это —
„я верблюд“.
Товарищ туча,
скорей нагнись,
меня
и Париж полей,
чтоб только
скорей
зацвели огни
длиной

*) Я верблюд.

Елисейских полей!
Во всё огонь —
и небу в темь,
и в чернь промокшей пыли.
В огне,
жуками
всех систем,
жужжат
автомобили.
Горит вода,
земля горит,
горит
асфальт
до жжения,
как будто
зубрят
фонари
таблицу умножения.
Эта площадь
лучше
тысяч
дам-боянонок.
Эта площадь
оправдала б
каждый город.
Если б был я
Вандомская колонна,
я б женился
на Place de la Concorde.

ВЕРЛЕН И СЕЗАН

Я стучаюсь
 о стол,
 о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
 в отеле „Istria“
на коротышке
 rue Campagne-Première.
Мне жмет.
 Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
 тоску рассыпай.
Направо от нас —
 Boulevard Montparnasse
налево —
 Boulevard Raspail.
Хожу и хожу,
 не щадя каблука, —
хожу-
 и ночь и день я
хожу трафаретным поэтом, пока

в глазах
 не встанут виденья.
 Туман — парикмахер,
 он делает гениев —
 загримировал
 одного
 бородой —
 Добрый вечер, м-р Тургенев.
 Добрый вечер, м-ме Виардо.
 Пошел:
 „за что боролись?..
 а Рудин...
 А вы,
 именье —
 возьми подпальни“...
 Мне
 их разговор эмигрантский
 нуден
 и юркаю
 в кафе от скульни.
 Да.
 Это он,
 вот эта сова —
 не тронул
 великого
 тлен.
 Приподнял шляпу:
 „Comment ça va *),

*) Как поживаете.
 дорогой товарищ Верлен?

cher camerade Verlaine?"
Откуда вас знаю?
Вас знают все.
И вот
довелось состукаться.
Лет сорок
вы тянете
свой абсент
из тысячи репродукций.
Я раньше
вас
почти не читал,
а нынче
вышло из моды, —
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:
по-русски — дрянь
переводы.
Не злитесь, —
со мной,
должно быть, и вы
знакомы
лишь по наслышке.
Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.
Теперь
плохие стихи —
труха.
Хороший —
себе дороже.

С хорошим
и я б
свои потроха
сложил
под забором
тоже.
Бумаги
гладь
облевывая
пером,
концом губы —
поэт,
как рвань рублевая,
живет
с словом любим.
Я жизнь
отдать
за сегодня
рад.
Какая это громада!
Вы чуете
слово
пролетариат —
ему
грандиозное надо.
Из кожи
надо
вылазить тут,
а нас —
к журнальчикам
премией.

Когда ж поймут,
 что поэзия —
 труд,
что место нужно
 и время ей!
„Лицом к деревне“ —
 заданье дано,—
за гусли,
 поэты-други!
Поймите ж —
 лицо у меня
 одно ---
оно лицо,
 а не флюгер.
Конечно,
 травку
 нельзя отрицать,
но я-то
 смотрю с тоскою:
мое-то ведь существо
 от лица
до пяток
 сплошь городское.
А тут и ГУС
 отверзает уста:
вопрос не решен?!
 Который?
Поэт?
 Так ведь это ж ---
 просто кустарь,